

Победа в Великой Отечественной войне была действительно чудом, потому что Сталин перед войной сделал все, чтобы разгромить страну. Он уничтожил все высшее руководство армии, в результате массовых репрессий поставил некогда могучую страну на грань выживания. В 1937 году, когда была перепись населения, страна недосчиталась десятка миллионов людей. Куда делись эти миллионы? Их уничтожил Сталин. В войну страна вступила почти обескровленной. Но, несмотря на все чудовищные репрессии, народ проявил небывалый героизм. Иначе как чудом это назвать нельзя. Победа в войне — это победа народа. Народа, который проявил величайшую волю к сопротивлению. Чудо победы в войне — это великое явление силы духа нашего народа, которую не сумели сломить ни Сталин, ни Гитлер.

(Интервью брали: Константин Мацан, Николай Силаев)

ПРОТ. ГЕОРГИЙ (МИТРОФАНОВ) **Почитание Сталина**

Прот. А. Степанов. Здравствуйте, дорогие радиослушатели! В эфире программа «Уроки истории». У микрофона протоиерей Александр Степанов. Сегодняшний выпуск программы будет посвящен интервью, которое 15 июня 2009 года дал новый председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата архиепископ¹ Иларион (Алфеев) журналу «Эксперт». Это был довольно пространный разговор о сегодняшних проблемах церковной жизни, о тех задачах, которые стоят сегодня перед Церковью. Но последний вопрос, который был задан владыке Илариону, вызвал неожиданно очень горячую полемику в средствах массовой информации, в Интернете, и вопрос этот касался оценки прежде всего личности Сталина. <...>

Ответ владыки Илариона, <...> по меркам, скажем, 1990-х годов не вызвал бы ни у кого особенного удивления, острой реакции и даже просто большого внимания не обратил бы на себя, а вот сегодня, приблизительно через 10–15 лет, такое высказывание вызывает довольно острую полемику. И в общем, с одной стороны, это хорошо. Потому что, когда все кажется всем

¹ В 2009 г. вл. Иларион был еще архиепископом.

слишком ясным, как это поверхностно казалось в 1990-е годы, хотя реального осмысления всего исторического пути России в XX веке, конечно, сделано не было, это тоже очень плохо. Вот сегодня ситуация изменилась в том смысле, что эти темы стали волновать. По мнению некоторых, что сейчас говорить о Сталине? Сегодня надо говорить о более актуальных темах, Сталин — это прошлое. Но вот, судя по тому, какая реакция возникла на интервью архиепископа Илариона, видно, что это далеко не прошлое, а настоящее, ибо оно живет в сердцах людей, волнует умы, и поэтому, я думаю, об этом стоит еще и еще раз говорить. <...>

Сегодня мы пригласили профессора Санкт-Петербургской Духовной Академии протоиерея Георгия Митрофанова к нам в студию для того, чтобы он вместе с нами поразмышлял над тем, какую же все-таки роль сегодня играет в нашем обществе Сталин, почему наше общество реагирует так болезненно на такие, с моей точки зрения, справедливые, хотя и предельно резкие слова, и что должна делать Церковь в такой ситуации — устранить ли, обозначив, что она как бы выше обсуждения подобных тем, считая эти темы политическими, или, наоборот, Церковь должна включиться более активно в обсуждение нашей общественной жизни.

Отец Георгий, как по Вашему мнению, почему такая бурная реакция на выступление архиепископа Илариона?

Прот. Г. Митрофанов. Для меня прежде всего важно то, что вот такая бурная реакция, реакция критическая имеет место не только в общественных кругах, а они ведь разнообразны, там есть и коммунисты, там есть и своеобразные неосталинисты и так далее, разные существуют спектры политических мнений. Но вот что касается церковной среды, негативная реакция в ней на это выступление — это заставляет задуматься. Казалось бы, даже не в 2000 году, когда был прославлен Собор новомучеников, а гораздо раньше, когда началась канонизация новомучеников, уже в начале 90-х годов, Церковь дала тем самым вполне определенную оценку не только коммунистическому режиму, но прежде всего Сталину. И с этой точки зрения для церковных людей не должно было бы уже к нынешнему времени существовать вопроса о том, как оценивать Сталина уже по одному тому, как он относился к Русской Православной Цер-

кви. А он, я напомним, за двадцать лет ее практически полностью уничтожил как не просто административную структуру, но как в значительной степени сообщество активных православных христиан, которых были уничтожены на самом деле миллионы. Они могли проходить по политическим делам, но факт оставался фактом — не только те священнослужители и миряне, которые проходили по церковным делам, но и многие из тех достойных воцерковленных русских людей, которые погибали по обвинениям самого разного рода, были, по существу, православными жертвами коммунистического, именно сталинского режима. Однако и эта очевидная истина для, увы, многих в Церкви не представляется такой уж очевидной. Конечно, тех, кто призывает канонизовать Сталина, у нас немного, хотя существуют даже некоторые архиереи, которые всерьез готовы обсуждать подобного рода инициативу. Но важно задуматься над вопросом: почему для очень многих в Русской Православной Церкви Сталин остается одной из самых не только значительных — опять-таки значительной может быть и зловещая фигура, Гитлер тоже был значителен, — но именно позитивных фигур в XX веке? Почему такой фигурой оказывается Сталин?

Я бы здесь отметил ряд очень серьезных причин. Прежде всего, надо себе отдавать отчет в том, что при общей малой просвещенности нашего церковного народа, в том числе это, увы, имеет отношение и к духовенству, в нашей церковной среде существуют разного рода исторические мифы, заменяющие реальное историческое знание. И существует вполне определенный миф, согласно которому главными гонителями Церкви выступали Ленин, Троцкий, Свердлов, а Сталин, который после смерти Ленина действительно вступил в борьбу с Троцким, с рядом других высокопоставленных партийных функционеров, начинает рассматриваться как человек, который не только в процессе своей политической борьбы с конкурентами уничтожал политических противников, но осознанно или бессознательно наказывал их за те гонения, которые они развязали против Церкви. И когда Сталин укрепился у власти, считают многие, гонения на Церковь стали постепенно затухать — да, не сразу, ему трудно было преодолеть инерцию тоталитарной коммунистической антирусской, антиправославной машины, но гонения стали ослабевать, а уж в годы войны наступает пе-

риод, когда Сталин, окончательно уничтожив всех тех, кто в партийно-государственном аппарате был готов преследовать Церковь, наконец смог дать Церкви широчайшие возможности для ее деятельности в стране. И вот только его смерть или даже его убийство приближенными привело к тому, что гонения на Церковь возобновились, хотя и не такие кровавые, какие были при ранних большевиках. Вот существует подобного рода стереотип, который разделяется многими. Но здесь все неправда. Во-первых, надо исходить из того, что Сталин, хотя и не играл первых ролей, например, в период Гражданской войны, когда большевики захватили власть и обрекли страну на кровавую междоусобицу, он входил в Совнарком и был одним из ведущих деятелей партии, которая стала с 1918 года называться Российской Коммунистическая Партия большевиков — РКП(б).

Прот. А. Степанов. Он ведь был членом ЦК...

Прот. Г. Митрофанов. Он был не просто членом ЦК, он вскоре оказывается и в Политбюро. Да, его личность не была столь яркой, как личность, например, Троцкого или Ленина. Но он несет всю полноту ответственности уже за те гонения, которые советское руководство развязало против Церкви в годы Гражданской войны. А это по меньшей мере семь-восемь тысяч убиенного только духовенства за годы гражданской войны.

Далее. Еще один пик репрессий 1922–23 годов, когда такое же количество священнослужителей было уже в мирное время, не в условиях Гражданской войны, уничтожено. Здесь Сталин — член Политбюро, Генеральный секретарь Коммунистической Партии и один из активных участников деятельности так называемой Антирелигиозной комиссии, или Комиссии по проведению отделения Церкви от государства при ЦК РКП(б). Далее действительно следует борьба Сталина за власть в 1920-е годы, сначала с Троцким, потом с Каменевым и Зиновьевым, потом с Бухариным. В этот период, в период НЭПа, антирелигиозная политика властей не прекращалась. Она действительно стала немного мягче, но храмы закрывались из года в год, духовенство репрессировалось, хотя и не расстреливалось. Но уже в 1929 году, вместе с началом проведения политики коллективизации, начинается новый виток репрессий. И нужно отдавать себе отчет в том, что Сталин именно в это время, в 1929 году, устранив всех своих политических конкурентов, сначала

Троцкого, затем Каменева и Зиновьева, а в 1929 году оттеснив на второй план уже и Бухарина, так называемую «правую оппозицию», стал на самом деле осуществлять план Троцкого, которым и являлась коллективизация. И в рамках этого, Троцким когда-то сформулированного плана, в общих чертах сформулированного уже в начале 1920-х годов, Сталин начинает, став полновластным распорядителем партийно-государственной номенклатуры, невиданное гонение на Церковь, в ходе которого будет репрессировано около 45 тысяч священников, хотя в это время расстреляно из них будет не более пяти тысяч. Вот так в 1929–32 годах в процессе коллективизации не только закрывалось огромное количество храмов — столько, сколько было закрыто за предшествующие годы, за 13 лет советской власти, но и было репрессировано невиданное количество духовенства, и довольно много было расстреляно. Закрыты были все монастыри.

Прот. А. Степанов. К этому моменту уже была опубликована Декларация митрополита Сергия (Страгородского)...

Прот. Г. Митрофанов. Да, гонения продолжались при том, что церковное руководство искало возможность компромисса с властью и пытались доказать не только свою аполитичность, но даже лояльность. Правда, в Церкви были представители и другой позиции, и с ними расправились уже к 1930 году, а вот в конце коллективизации расправлялись уже с теми, кто готов был поддерживать лояльную политику митрополита Сергия. Достаточно вспомнить известного петроградского, ленинградского тогда уже протоиерея священномученика Михаила Чельцова, который был расстрелян в 1930 году.

Далее следует некоторое затухание репрессий, а самые страшные репрессии, в ходе которых было только расстреляно 85 тысяч священнослужителей за один 1937 год, происходили уже в момент, когда Сталин был безусловным распорядителем всей политики в стране. То есть мы должны сказать, что самый страшный кровавый период репрессий против Церкви, который начинается в 1929 году и продолжается вплоть до 1942 года, — это был период, когда страной безраздельно руководил именно Сталин, и именно в это время крупнейшая Поместная Церковь православного мира была почти полностью уничтожена.

Далее события 1943 года, которым предшествовали обстоятельства, опять-таки показывающие деструктивную роль Сталина по отношению к Церкви. В то время, когда на оккупированной территории было открыто около 9 тысяч храмов; в то время, когда на оккупированной территории духовенство получило право преподавать в школах Закон Божий, создавать воскресные школы, заниматься церковной благотворительностью, выступать на радио и в газетах, то есть получило возможности, которых не имела никогда ни при Сталине, ни при его преемниках Русская Православная Церковь, в таких условиях Сталину приходилось идти на какие-то уступки недобитой им Церкви здесь, причем эту недобитую Церковь он решил сразу использовать в политических целях. Но эти уступки были очень ограничены. За все годы войны на неоккупированной территории было открыто всего 716 храмов. Достаточно красноречиво эти цифры говорят сами за себя, и никогда духовенство на территории, где находилась коммунистическая власть, не имело тех возможностей, какие имела Церковь на оккупированной Германией территории. Это тоже надо признать. Безусловно, и германские оккупационные власти пытались использовать Церковь в своих пропагандистских целях, но они при этом давали Церкви гораздо больше возможностей для деятельности и гораздо меньше вмешивались в ее внутреннюю жизнь, чем это делал Сталин, который решил недобитую Церковь использовать, но использовать таким образом, чтобы наводнить ее собственной агентурой.

Период этот продолжался недолго. Да, действительно, благодаря тому, что большая часть открытых при немецкой оккупации храмов не закрывалась, а потом к Московской Патриархии были присоединены униатские церкви, количество храмов возросло у нас к 1948 году до 14,5 тысячи. Но в 1948 году политика Сталина уже меняется, начинаются новые систематические закрытия храмов, начинаются новые репрессии по отношению к духовенству, в ходе которых страдают даже иерархи, которые в высшей степени были лояльны по отношению к Сталину, как, например, будущий митрополит Мануил (Лемешевский). И только смерть Сталина избавила Церковь от нового витка, вероятно, уже и кровавых гонений. Так что с 1949 по 1953 год политика Сталина в отношении Церкви была жестокой и исключительно репрессивной.

Знание этих, на самом деле, элементарных истин уже позволило бы понять, что в отношении Церкви Сталин вел себя от начала своей деятельности после прихода к власти большевиков до своей смерти как гонитель, совершенно очевидно.

Кроме того, не приходится ставить вопрос о какой-то личной религиозности Сталина. Не существует абсолютно никаких документов, из которых бы, например, следовало, что Сталин когда-то как-то посещал храм. Те несколько официальных встреч, которые он имел с митрополитом Сергием, с Патриархом Алексием, они очень четко зафиксированы, они носили вполне определенный, я бы сказал, политический, прагматический характер.

Прот. А. Степанов. Это официальные встречи...

Прот. Г. Митрофанов. Да, но неофициальных встреч не было, и мы можем об этом говорить совершенно определенно, ибо режим охраны Сталина был построен по такому принципу, что все его встречи фиксировались. Поэтому разговоры о том, что он тайно окормлялся то ли у Патриарха Алексия, то ли у митрополита Николая, не имеют под собой абсолютно никакой почвы. Я уже не говорю о том, что Сталин подпадает под анафему Поместного Собора от 20 января 1918 года, который обращает ее на всех лиц православного вероисповедания, которые участвуют в гонениях на Церковь и в убийствах невинных людей. И эту анафему Церковь никогда не отменяла. То, что Церковь была вынуждена служить панихиды по Сталину после его смерти, как раз и свидетельствует о том, в каком положении находилась допущенная им к существованию и до предела униженная Церковь. С этой точки зрения, когда мы говорим о Соборе новомучеников как о главном плоде духовной жизни православной России на протяжении многих веков, мы должны признать, что эти-то новомученики были жертвой прежде всего сталинского режима. Достаточно сопоставить не более 15–16 тысяч погибших с 1917 по 1923 год с более чем 100 тысячами погибших как раз в период правления Сталина. Я имею в виду прежде всего священнослужителей, церковнослужителей. Я не говорю о мирянах, которые погибали в это же время. Поэтому, казалось бы, говорить в Церкви о Сталине иначе, чем сказал о нем архиепископ Иларион, просто и невозможно.

Что же касается нашего общества, то здесь тоже нужно обратить внимание на определенного рода стереотипы. Мы, наверное, все хорошо помним — те, кто постарше, — что в так называемое «застойное», брежневское время, когда гласно критиковать власть было невозможно, а те, кто это делал, за это расплачивался свободой, а иногда и жизнью, у нас была очень популярна такого рода критика власти: скажем, приклеивание к ветровому стеклу машины портрета Сталина. Вот, казалось бы, что это означало? Сталинский портрет на каком-нибудь грузовике? Рассуждения, которые с достаточной регулярностью, начиная с 1964 года, стали появляться в средствах массовой информации, о том, что Сталин, безусловно допуская перегибы и создавший культ личности, все-таки в некоторых отношениях сыграл очень позитивную роль в истории нашей страны. Я хочу обратить ваше внимание, что очень многие были недовольны той жизнью, которой жила страна в брежневское время, но критиковать ее, по существу, было нельзя, и существовала лишь одна, очень интересная форма критики — что, оказывается, нынешние коммунисты плохи тем, что они отступили от сталинских заветов, даже не столько ленинских — это был официоз, идеальный Ленин, а именно Сталин, который за что-то был критикуем, а, собственно, за что? За то, что цены снижались якобы каждый год; за то, что страна победила войну? И так далее. И вот это восприятие Сталина, совершенно придуманного Сталина, как лучшего из коммунистических вождей, я думаю, многими людьми оказалось привнесенным сейчас в нашу церковную жизнь. Мы должны отдавать себе отчет в том, что в нашу церковную жизнь вошло немало людей, которых побудила это сделать не какая-то духовная жажда совершенства, искание Христа, а сторонние обстоятельства — крушение тех идеологических стереотипов, в которых они воспитаны; ощущение незащищенности; ощущение того, что они живут в быстро меняющемся мире, в котором они не могут сориентироваться. Хочется какого-то сообщества людей, в котором, так сказать, можно было бы не думать, не брать на себя ответственности, а повторять какие-то привычные клише. И вот появляется уже идея православного Сталина. Ощущение того, что мы жили в великой стране и сейчас она распалась, хотя о величии той страны можно еще спорить, ибо великая страна у нас

перестала существовать после 1917 года, с моей точки зрения, так вот, это ощущение, что мы были великой страной, должно получать компенсацию тем, что мы находимся в великой Церкви, а эту великую Церковь спас от уничтожения Сталин. И вот это ощущение того, что мы должны как-то компенсировать недостаток духовной жизни раздуванием у самих себя ощущения собственного национального величия, по существу, ведь это неоязычество, символом которого становится слегка оправославленный Сталин. И с этой точки зрения слова архиепископа Илариона уже одним тем, что они вызывают возмущенную реакцию не только далеких от Церкви людей, но и церковных людей, являются показателем того, насколько же наше общество духовно, нравственно, исторически дезориентировано. Эти слова, прозвучавшие бы в 1990-е годы совершенно, как Вы правильно сказали, незамеченными, по крайней мере, совершенно естественными, сейчас, вызывая подобного рода критику, указуют на то, что в нашем обществе имеют место тенденции, направленные как раз на реабилитацию Сталина. А осуществление этих тенденций священнослужителями представляется и бессмысленным, и кощунственным одновременно.

Так что реакция на выступление архиепископа Илариона, выступление, на мой взгляд, весьма своевременное, многое показывает. Не сказав ничего нового по сравнению с тем, что мы должны были бы уже узнать с начала 1990-х годов, он вдруг напомнил нам о том состоянии умов и сердец, в котором находится наше общество сейчас, и оно таким образом представляется весьма неблагоприятным.

Прот. А. Степанов. Если мы всмотримся в критику архиепископа Илариона, то мы увидим, что есть, конечно, люди, о которых Вы совершенно верно заметили, так сказать, неосведомленные или не желающие быть осведомленными, живущие мифологемами. Но ведь, мне кажется, еще страшнее те люди, которые вполне отдают себе отчет о тех кошмарных событиях, о тех условиях жизни, в которых жила наша страна в сталинское время, и в то же время готовы оправдывать их, оправдывать Сталина, потому что была, скажем, победа в войне, потому что страна стала сильной и мощной державой, которую боялся весь мир, и так далее.

Прот. Г. Митрофанов. Вы забыли еще один аргумент: подчеркивается обычно, что и не могла быть другой государственная политика в это время, хотя почему это так, остается без ответа.

Прот. А. Степанов. Да, это уже совсем непонятно. А вот меня, конечно, больше всего волнует, как человек, который называет себя христианином, умудряется так перевернуть всю систему ценностей и тем самым своих оценок, что очевидная античеловечность, богоборчество приобретают какой-то ореол почти святости. Почему? Потому что держава процветала. Этот тезис тоже, разумеется, оспариваем довольно легко, насколько держава процветала, даже в смысле своего внешнего положения. Но действительно, многие страны мира боялись нас, а какие-то страдали под властью советского режима, который был навязан этим странам. К сожалению, в оценках такого рода совершенно отсутствует нравственное начало, и если христиане перестают его проявлять, перестают нести как главное, что мы можем утверждать в общественной жизни, то, как известно, соль, переставшая быть солью, кому она нужна? Как мы знаем из Евангелия, ее выбрасывают вон. Поэтому мне кажется, что тот факт, что именно такой высокопоставленный церковный иерарх, каким сейчас является архиепископ Иларион, говорит на эти темы, это чрезвычайно важно, потому что этим задается некоторый духовный, нравственный камертон. Если этот голос не будет звучать или он будет исходить только лишь от обычных священнослужителей, что, конечно, тоже важно, но недостаточно, то Церковь просто, мне кажется, перестанет быть самой собой, а станет каким-то сообществом патриотически настроенных граждан, а эти вещи, в чем я совершенно согласен с отцом Георгием, больше имеют отношение к языческому государству. Да, действительно, для империи государство становится предметом поклонения, а император или первое лицо становится просто богом. И вот эти попытки канонизовать Сталина, попытки возвести его в ранг христианской святости свидетельствуют, как мне кажется, именно о такой неоязыческой попытке создать себе новое божество — в христианстве это может быть святой, который будет таким образом освящать вот эту каннибальскую традицию.

Прот. Г. Митрофанов. Вы знаете, я бы здесь еще вот в чем увидел этический, пастырский аспект выступления архиепископа Илариона. Собственно, людям, которые нас окружают, очень тяжело переживать то, что целая эпоха в истории нашей страны была, как справедливо говорит владыка, построена на лжи и терроре. Ведь если это было так, значит, ответственность за это несут те люди, которые тогда населяли нашу страну, а значит, наши отцы и деды. Вот почему очень хочется, дабы не подвергать радикальной нравственной переоценке собственную жизнь в советское время для тех, кто постарше, или не подвергать такой же радикальной нравственной переоценке жизнь своих отцов и дедов, попытаться обнаружить в этом советском прошлом что-то безусловно позитивное на фоне того негативного, что почти уже никем, даже самими коммунистами, сейчас не отрицается; уже даже они не отрицают, что были проблемы в советской стране. И что оказывается этим позитивным? Война и Победа. Победа во Второй мировой войне. И Победу эту начинают связывать с конкретной личностью Сталина, что, собственно говоря, не ново. И вот уже на основе этого у людей возникает ощущение того, что их отцы и деды не просто проявляли конформизм, трусость, двоедушие и двоемыслие, проявляли не потому, что они были заведомо плохими, хотя были подчас и заведомо плохие, кто с энтузиазмом участвовал в этом ужасе; но были ведь и хорошие люди, которым просто было страшно, которые просто хотели жить, хотели сохранить своих близких, которые наверняка даже и страдали от этого. Все это было, и это надо сформулировать для нас сейчас, с пониманием того, что, возможно, мы бы тоже, живя тогда, каждый конкретный человек из нас, не смог бы проявить в должной степени честность, искренность, мужество и тоже бы пошел по этому пути. И избави нас Бог оказаться в ситуации, когда необходимость лгать становится единственным способом выживания; когда необходимость жить по принципу «умри ты сегодня, а я завтра» становится жизненным принципом всех — от заключенных в лагере до высокопоставленных государственных деятелей. Вот чтобы этого не случилось, нужно, безусловно, дать вполне определенную нравственную оценку всему происходившему. А давать ее не хочется, поэтому и о Сталине, и о Второй мировой войне, как о главных позитивных явлениях советского времени, у нас

начинают именно в последние годы говорить в нарочито приукрашенном виде, представлять это все в качестве событий, действительно оправдывающих всю советскую историю, оправдывающих жизнь наших отцов и дедов в этих советских условиях. И здесь, конечно, вполне понятно негативное отношение к архиепископу Илариону, который, по существу, указывает нам на необходимость вот этой нравственной переоценки. Меня поражает то, что один из православных журналистов, аналитиков, уж не знаю, как его назвать, начинает размышлять на тему того, что критика сталинизма — это критика державности, а державность нам необходима, особенно сейчас.

Прот. А. Степанов. Да, «он стрелял в советское прошлое, а попал в Россию», — вот это тоже очень расхожая фраза...

Прот. Г. Митрофанов. ...но фраза, основанная на ложном, с моей точки зрения, стереотипе, согласно которому Советский Союз и Россия — это одно и то же, а это не одно и то же. Советский Союз — это такая, по существу, захватившая Россию власть, которая все сделала, чтобы страну уничтожить, а то, что уничтожить не удалось, максимально исковеркать. И это нужно тоже признавать как историческую данность. Потому что так оно и случилось. И то, что мы видим сейчас, состояние нашей страны сегодняшнее, — это, конечно, в значительной степени и результат того, что происходило в советское время. Страна оказалась и надорвана, и духовно дезориентирована, и, по существу, разрушена во многих отношениях, в прямом и переносном смысле этого слова. Но здесь-то возникает рассуждение уже иного рода. Сейчас актуально критиковать уже не Сталина, а Ельцина, хотя, если собрать воедино все то негативное, что было в стране в период достаточно короткого правления Ельцина, оно совершенно не сопоставимо с тем злом, которое принес стране Сталин. А то позитивное, что было при Ельцине, что, например, позволило нынешним православным аналитикам превратиться из обыкновенных советских культпросветработников, которыми они так и продолжали бы быть, если бы не было Ельцина, в православных мыслителей, вот это позитивное совершенно отвергается. Вот такая жуткая аберрация сознания.

Прот. А. Степанов. Хотя, надо сказать, это очень относительный позитив — лучше бы они занимались культпросветработой...

Прот. Г. Митрофанов. Да, конечно. Но главное — мы получили свободу, свободу, которой не было в России уже после октября 1917 года. В том числе свободу Церкви. Но что еще показательно. Имея в виду вполне конкретное выступление господина Рогозянского на «Русской линии», где он инкриминирует владыке Илариону то, что тот является идеологически ангажированным молодым «выдвиженцем» нового Патриарха, который хочет столкнуть Патриарха с позитивными силами, пришедшими наконец в нашей стране к власти, мне хочется заметить одну очень выразительную деталь. Видимо, этот аналитик недостаточно хорошо подготовился к своему выступлению, а то наверняка бы не преминул поставить в вину архиепископу Илариону то, что он является кавалером медали «За мужество и самопожертвование», которую он получил в 1992 году от Литовской республики за то, что в свое время вместе с архиепископом Хризостомом поддержал движение «Саюдис», поддержал литовских антикоммунистов. Наверное, он поступил непатриотично с точки зрения подобного рода политических аналитиков. Но что произошло тогда в Литве, когда молодой иеромонах Иларион даже выходил на улицу, по которой двигались советские войска, выходил вместе с литовцами? Произошло наше взаимное отторжение, отторжение литовцев и русских от коммунизма. И русский православный священник среди литовских антикоммунистов как раз и выступил как свидетель того, что русский православный священник воспринимает коммунизм как палача прежде всего русского народа, ибо ни один народ не потерял столько, сколько русский народ в результате правления коммунистического режима. И хочется подчеркнуть, что тогда позиция и правящего архиерея, и иеромонаха Илариона позволила литовцам увидеть в Русской Православной Церкви ту часть русского народа, которая не примирилась с коммунизмом, которая себя от коммунизма резко отмежевывает, которая никогда не будет видеть в коммунизме патриотическое русское явление. И результатом этого в значительной степени приятия литовцами позиции Русской Православной Церкви тогда в Литве стало то, что только в Литве Русская Православная Церковь получила все свое недвижимое имущество, которым владела до революции. И это позволяет Литовской епархии сейчас существовать в довольно сложных условиях ка-

толической страны. Только в Литве из всех прибалтийских государств русскоязычное население имеет точно такие же права, как и литовское население. Для меня эта позиция, высоконравственная позиция и владыки Хризостома, и отца Илариона тогда является свидетельством того, какую позицию должна была бы последовательно и четко проводить Русская Православная Церковь, и тогда бы наши отношения с нашими ближайшими соседями, в том числе и с другими прибалтийскими государствами, были бы иными. Когда же Церковь предлагает себя в качестве рупора пропаганды коммуно-патриотического толка, да еще с подобного рода пиетизацией Сталина, она не только изменяет самой себе по существу, она и способствует тому, что образ новой России затеняется в сознании окружающего мира. Мы оказываемся страной, которая никак не может расстаться со своим коммунистическим прошлым, хотя именно для нас, русских, тем более православных христиан, это коммунистическое прошлое было самым что ни на есть беспощадным и кровавым.

Прот. А. Степанов. Спасибо, отец Георгий, на этом, я думаю, мы должны уже заканчивать нашу программу. Единственное, что мне хотелось бы добавить, — это то, что действительно в истории нашей страны, в истории Церкви вот эта мера близости Церкви и государства исторически и в дореволюционной России очень часто превышалась. И в каком-то смысле мне кажется, что воспроизводятся не только советские стереотипы, хотя они, конечно, наиболее страшны, но воспроизводится еще модель такого послушного и абсолютно непререкаемого движения Церкви в русле государственной политики: что делает государство, то Церковь автоматически, неизбежно поддерживает.

Прот. Г. Митрофанов. Я бы сказал — не политики, а заявлений отдельных государственных деятелей...

Прот. А. Степанов. Может быть, точнее так. Поэтому мне кажется, что сегодня, когда мы начинаем отстраивать Церковь из совершенно разрушенного состояния, мы должны ясно осознавать именно евангельские ориентиры как основные в нашем церковном строительстве, в нашей просто повседневной церковной жизни, и в оценках тех событий, что происходят в обществе и вокруг нас, исходить именно из этих подлинных христианских позиций, а не из каких-либо других. <...>